

жны требовать от граждан, кроме предусмотренных постановлением ЦИК и СНК БССР от 21 февраля 1925 года документов, предоставления справки районных финансовых органов о том, что за ними в последние шесть месяцев до момента возбуждения ходатайства о перемене фамилии не числятся никаких недоимок, налогов и сборов¹¹.

Все заявления, подаваемые в органы ЗАГС о перемене фамилий (родовых прозвищ) и имен, облагались местным сбором в размере пяти рублей. Взысканные суммы сбора передавались в установленные сроки в кассы Народного комиссариата финансов.

29 мая 1925 года ЦИК и СНК Белорусской ССР приняли постановление, которым утверждался порядок разбирательства дел о расторжении браков и выдаче содержания нуждающемуся супругу и детям. Пункт 5 этого постановления, в частности, гласил: «Нуждающийся или нетрудоспособный супруг, в случае развода, имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний по признанию суда в состоянии оказывать ему поддержку»¹².

Право на содержание, установленное п. 5, предоставлялось также разведенному трудоспособному супругу во время его безработицы, но не более года с момента развода. В случае удостоверенного уклонения от работы стороне, обязанной выдавать содержание разведенному супругу, предоставлялось право в общеисковом порядке просить об освобождении ее от этой обязанности.

Постановлением устанавливалось также, что при отсутствии соглашения между разводящимися супругами вопрос о размере расходов на содержание и воспитание детей разрешается в общеисковом порядке, причем народный судья одновременно с принятием искового заявления выносит сообразно с обстоятельствами дела и в интересах детей определение о том, кто из разведенных супругов и в какой мере обязан временно, до разрешения спора, нести расходы по содержанию детей и у кого дети временно должны оставаться на воспитании, а также определяет размер содержания нуждающемуся супругу. В случае отказа родителей обеспечивать содержание детей право требовать его в судебном порядке получили сами дети или их опекуны.

В исследуемый период в Белоруссии принимались и другие законодательные акты, связанные с браком и принадлежностью к семье. Но рамки настоящей статьи, к сожалению, не позволяют охарактеризовать их.

¹ См.: СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152; № 11. Ст. 160.

² См.: СУ РСФСР. 1918. № 76—77. Ст. 818.

³ См.: История Советской Конституции 1917—1956 гг. М., 1957. С. 187 и далее.

⁴ См.: Звезда. 1919. 15 февр.

⁵ ЦГАОР БССР. Ф. 41, оп. 1, д. 15, л. 42.

⁶ Там же. Д. 2, л. 2.

⁷ Там же. Д. 15, л. 7,5.

⁸ См.: Известия Военно-революционного комитета С.С.Р.Б. 1920. № 4. 29 сент.

⁹ См.: СЗ БССР. 1925. № 9. Ст. 81.

¹⁰ См.: Бюллетень СНК БССР. 1925. № 5. С. 40—42.

¹¹ Там же. С. 42—43.

¹² СУ БССР. 1925. № 29. Ст. 274.

В. А. ЗЕНЬКОВИЧ

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ОБМАНА ПОКУПАТЕЛЕЙ

Наличие необеспеченных товарами денежных средств у значительной части населения порождает определенное неравенство, которое при имеющихся трудностях в торговле провоцирует злоупотребления и правонарушения в этой сфере. Особенно большое распространение в торговле получили такие правонарушения, как обман покупателей, совершаемый в нескольких видах: путем обмеривания, обвешивания, обсчета, превышения установленных розничных цен. Число выявленных преступных фактов обмана покупателей в Минске возросло с 89 случаев в 1984 году до 218 — в 1988, т. е. в 2,4 раза, и это при том, что данному виду деяний присуща весьма высокая латентность.

Правовая норма, предусматривающая ответственность за обман покупателей, — ст. 153 УК БССР. Как показывает анализ практики, она несовершенно, поскольку любой обман покупателей формально подпадает под признаки данной статьи, тем самым неоправданно расширяется уголовная репрессия и ограничивается применение более гуманных административных мер.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 14 марта 1975 года «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков» обратил внимание на то, что не все случаи обмана покупателей подлежат рассмотрению в судах. Иногда с учетом конкретных обстоятельств дела и личности виновного «следует ограничиться мерами общественного или дисциплинарного воздействия»¹. На практике вопрос о том, признавать обман покупателей преступлением или проступком, решается на основе положений уголовного права, сформулированных в ч. 2 ст. 7 и ст. 48 УК БССР, которые зачастую истолковываются и применяются крайне субъективно.

Происходящие в настоящее время перестроечные процессы в правовой политике позволяют надеяться, что дальнейшее совершенствование уголовного законодательства по регулированию отношений в сфере торговли будет осуществляться путем декриминализации малозначительных преступлений с перенесением их в сферу административной юрисдикции.

Подтверждением этого курса является Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 31 марта 1989 года «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях». Законодатель дополнил статью 144 этого Кодекса частью второй: «Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) торговли или общественного питания, а равно сокрытие товаров от покупателей работниками предприятий (организаций) торговли или общественного питания»², т. е. декриминализировал ст. 156² УК БССР. В практике милицейской деятельности это ликвидировало также существовавшее «узкое» место в части квалификации уголовно наказуемых нарушений правил торговли от аналогичных нарушений, являющихся административным деликтом.

Однако относительно деяний, связанных с обманом покупателей, законодатель по каким-то причинам не дополнил данный Кодекс соответствующей нормой. Здесь следует, видимо, пояснить, что обман покупателей (все его виды) является одной из форм нарушений правил торговли, но с разницей в том, что в действующем административном законодательстве нет отдельной нормы, предусматривающей ответственность за это деяние, т. е. за обман покупателей.

Это, на наш взгляд, приводит к тому, что у органов милиции и суда из-за отсутствия специальных указаний о признаках, ограничивающих обман покупателей как уголовно наказуемого действия от соответствующего административного проступка, нет единого подхода при вынесении решений по делам этой категории. Подтверждением этого являются и типичные примеры из правоприменительной практики.

Так, Московским районным народным судом Минска в 1988 году по ст. 153 ч. 1 УК БССР продавец Р. была осуждена к двум годам исправительных работ с удержанием в доход государства 20 % из заработной платы за совершение обмана покупателей на сумму в 57 коп. В то же время Фрунзенским районным народным судом Минска с применением ст. 48¹ УК БССР была освобождена от уголовной ответственности с привлечением к административной за обман покупателей в размере 63 руб. 91 коп. начальник кондитерского цеха ресторана «Планета» С. Она оштрафована на 150 руб.³ Дознанием Фрунзенского РОВД Минска было установлено, что продавец К. совершила обман покупателей на 21 руб. В соответствии со ст. 6 УПК БССР она была освобождена от уголовной ответственности с направлением материалов по месту работы для принятия мер воздействия⁴.

Характеризуя субъектов этих преступных деяний, следует отметить, что все они примерно равны по основаниям применения к ним нормы об обстоятельствах, смягчающих ответственность (ст. 37 УК БССР). Судя по размеру ущерба, причиненного покупателям, или величине нетрудового дохода, очевидно, что в первом случае он не идет ни в какое сравнение со вторым и третьим случаями, а принцип соразмерности наказания применен прямо противоположно: Р. осуждена излишне сурово, к С. применено излишне мягкое наказание, а К., можно сказать, «отделалась легким испугом». Приведенные примеры показывают также, что у работников правоохранительных органов чрезмерно расширены возможности так называемого «усмотрения»

в разрешении дел этой категории, что создает почву для всякого рода злоупотреблений.

О наличии «пробелов» в действующем административном законодательстве свидетельствует и статистика судебной практики. Так, в 1988 году районными народными судами Минска за обман покупателей в размере от 50 коп. до 2 руб. было осуждено 13 человек. Однако на 42 дела по обману покупателей, но с размером наживы от 2 руб. и выше, в том числе по семи — на сумму более 10 руб., материалы без возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 6 УПК БССР были направлены на рассмотрение товарных судов по месту работы нарушителей. Такое положение еще раз свидетельствует о чрезмерной широте сферы субъективного усмотрения работников правоохранительных органов при рассмотрении ими дел этой категории, независимо от размера нетрудового дохода.

Необходимо отметить, что в практике деятельности районных судов Минска по делам об обмане покупателей получило распространение применение такого уголовно-правового института, как освобождение от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной (ст. 48¹ УК БССР). Эта норма в 1988 году применялась по 63 материалам, но и здесь нет единого подхода и имеются недостатки, подобные вышеизложенным.

Исходя из сказанного, мы полагаем целесообразным дополнить ст. 144 Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях частями третьей и четвертой, в которых предусматривалась бы ответственность за обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен или иной обман покупателей в магазинах, других торговых предприятиях или предприятиях общественного питания.

В качестве критерия при решении вопроса о привлечении к ответственности и квалификации деяния как административного проступка или уголовного преступления следует избрать размер ущерба, причиненного покупателям, или нетрудового дохода. Анализ практики деятельности милиции Минска по борьбе с нетрудовыми доходами в сфере торговли показал, что размер выявленной наживы от обмана покупателей до 10 руб. составил в 1988 году 67 % всех дел этой категории. Поэтому целесообразно этот размер нетрудового дохода отнести к категории малозначительного и принять его в качестве критерия при ограничении преступных фактов обмана покупателей от административных проступков. Бесспорно, что за другие деяния, когда сумма обмана превышает 10 руб., или за обман в крупных размерах подход к разрешению надо оставить прежним.

Средний размер штрафов по делам этой категории, рассматриваемым народными судами Минска, с применением ст. 48¹ УК БССР составляет около 140 руб. Поэтому считаем возможным увеличить примерный размер санкции за административный проступок в виде штрафа от 100 до 150 руб., а на должностных лиц — до 200 руб.

Иногда выявляются факты повторного (в течение года) обмана покупателей с размером наживы до 10 руб. лицом, привлекавшимся к административной ответственности, общественному или дисциплинарному воздействию. С учетом гуманизации уголовного законодательства, а также того, что в отрасли преобладающий контингент работающих — женщины, имеющие детей, и в соответствии с принципом экономии уголовной репрессии считаем нецелесообразным криминализировать такое деяние, а ввести квалифицирующий признак: «те же действия, совершенные лицом, которое в течение года было подвергнуто административному взысканию, общественному или дисциплинарному воздействию за указанное правонарушение, влекут наложение штрафа в размере от 150 до 250 руб., а на должностных лиц — от 200 до 300 руб. с лишением права занимать должности в сфере торговли на срок до двух лет».

Таким образом, в окончательном варианте части третью и четвертую ст. 144 Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях следовало бы изложить так:

«Обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен или иной обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или предприятиях общественного питания влечет наложение штрафа в размере от 100 до 150 руб., а на должностных лиц — до 200 руб.

Те же действия, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания или общественного, или дисциплинарного воздействия, влекут наложение штрафа в размере от 150 до 250 руб., а на должностных лиц — от 200 до 300 руб. с лишением права занимать должности

в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания на срок до двух лет».

Представляется, что предлагаемая норма, кроме ликвидации «пробела» в административном законодательстве, видимо, будет играть и профилактическую роль, удерживать работников торговли и общественного питания от обмана покупателей. Кроме того, в определенных пределах практическое ее применение могло бы привести к сокращению объема работы правоохранительных органов, поскольку очевидно, что отпадет необходимость проведения дознания и упростится разбирательство по делам этой категории. Подведомственность же рассмотрения дел этой категории, на наш взгляд, надо оставить в ведении народных судов, которые уже имеют определенный практический опыт по делам, связанным с обманом покупателей.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши предложения по увеличению размера штрафа за корыстное административное нарушение и лишению лица права занимать должности в сфере торговли выходят за пределы компетенции республиканского законодательства об административных нарушениях. Но эти новеллы в контексте происходящих процессов расширения полномочий союзных республик говорят о том, что настало время предоставить республиканскому законодательству самостоятельно устанавливать в области административных правонарушений размеры штрафных и других взысканий в соответствии с местной обстановкой.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 2. С. 19.

² См.: Собрание законов Белорусской ССР. 1989. № 10. Ст. 94.

³ См.: Уголовное дело № 331388 (Московский РОВД г. Минска); Уголовное дело № 317188 (Заводской РОВД г. Минска).

⁴ См.: Дело № БВ-5881 (Фрунзенский РОВД г. Минска).

Л. В. ВЛАСОВА, А. Н. КОЛОСОВСКИЙ

ЮРИСДИКЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ИХ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из общепризнанных принципов межгосударственного общения является принцип иммунитета. Служебная роль этого принципа выражается в обеспечении извечного и объективно обусловленного стремления каждого народа и его государственного образования сохранить независимость, предотвратить вмешательство во внутренние дела, обеспечить неприкосновенность одного государства от другого при осуществлении любого вида сотрудничества.

Слово «иммунитет» происходит от латинского «*immunitas*» и означает: льгота, изъятие, освобождение от налогов, от любых обязанностей, неприкосновенность. Принцип иммунитета государства основывается на более широком понятии — суверенитет. Идея суверенитета *par in parem non habet jurisdictionem* издревле наполнена смыслом недопущения подчиненности одного государства другому. В настоящее время она выражена в уставе ООН как принцип суверенного равенства и гласит: а) государства юридически равны; б) каждое государство пользуется неотъемлемым правом полного суверенитета; в) личность государства пользуется уважением, правом на целостность и политическую независимость. Следовательно, из юридического равенства государств и их независимости друг от друга следует невозможность осуществления любых властных полномочий одним государством в отношении другого.

В международном праве признаны и действуют на практике различные виды государственного иммунитета. В их числе юрисдикционный иммунитет государства, содержащий в себе: 1) судебный иммунитет, т. е. неподсудность одного государства судам другого, так как равный не имеет юрисдикции над равным; 2) иммунитет от предварительного обеспечения иска; 3) иммунитет от принудительного обеспечения принятого решения¹.

Связь трех компонентов юрисдикционного иммунитета, которые признаются в отечественной литературе самостоятельными видами, прослеживается как взаимобусловленная и необходимая. Из судебной неподчиненности следует невозможность применения мер предварительного обеспечения иска и соответственно неприменение мер к принудительному обеспечению исполнения принятого решения. Самостоятельность, позволяющая выделить каж-